

Глава 1

КОНЕЦ ВСЕМУ

Дорога бежала через летние поля, и мы мчались по ней, как дикие животные. Дорожная пыль щекотала мне горло, а лобовое стекло, когда в него светило солнце, казалось туманно-белым. Кипрей на обочинах был уже дымчатым, а ежевика выглядела спелой, такой же спелой и сладкой, как та, которую папа любил собирать по вечерам. Мама тихо подпевала радио, пока папа нёс нас по изгибам сомерсетских дорог.

— О, обожаю её, — сказала мама, увеличивая громкость, когда заиграла новая песня. — Мы как-то раз были на их концерте.

— И как они, хороши? — спросил я, наклоняясь между их кресел.

— Они были прекрасны.

— Они были неплохи, — сказал папа, явно подкалывая маму, — не прекрасны.

Мама не повелась на провокацию, только посмотрела на меня и закатила глаза. Я засмеялся и откинулся обратно. Была суббота, и мы ехали в город: мама и папа чтобы присмотреть плитку для кухни, а я — чтобы встретиться с Митешем. Мамино лицо появилось из-за подголовника.

Тихим голосом — но специально недостаточно тихим, чтобы папа не услышал, — она сказала: «они были прекрасны» и подмигнула. Мы прошли поворот, прядь волос качнулась около маминой щеки. Я кинул взгляд дальше на дорогу: посреди полосы стоял пёс. Папа резко затормозил. Мамино лицо исчезло. Меня рвануло вперёд. Нас повернуло, занесло, меня бросило в сторону. Папа закричал от страха. Моя голова столкнулась с окном. Другое окно разлетелось. Ветки ворвались в салон. Приблизился потолок машины с сотнями дырочек в его серой ткани. Меня с чудовищной силой вдавило в сиденье, подбросило, перевернуло и снова рвануло вниз — треск.

Всё затихло.

Я лежал на полу машины. Но теперь пол — это дверь, а надо мной в разбитое окно влез зелёный куст. Пахло жжёной резиной и, как ни странно, духами.

Безвольно покачиваясь на своём ремне безопасности, надо мной висела мама. К её щеке прилипли волосы. Кровь капала изо рта на водительское сиденье. На папу.

Папа не двигался. Он распластался на водительском окне, его голова была неестественно повернута.

Высвободившаяся ветка хлестнула потолок. Когда я пошевелился, на моё лицо посыпалось стекло. Я был покрыт белыми кристаллами.

— Мама?

Ни звука. Только капли падают с маминого лица на папино.

— Папа?

Он не ответил.

Заднее стекло было разбито. Я отстегнул свой ремень и выполз наружу. Я оказался в прохладной тени закрывшего солнце облака, но потом оно ускользнуло. Я был на насыпи. Я сполз вниз. Запах жжёной резины усилился, но теперь пахло ещё и бензином. Запах наполнил мой рот, и я хотел смыть его с языка.

Собака стояла посреди дороги. Она была цвета дыма или вечерних сумерек, когда весь свет исчез из мира и уже почти наступила ночь. Только глаза были оранжево-коричневыми, с крошечными чёрными зрачками. Похоже, она плохо меня видела, хотя и смотрела прямо на меня. Она смотрела на меня, может быть, как солдат, который вот-вот пойдёт в бой. Она стояла совершенно неподвижно. Длинноногая, с лапами размером с боксёрский кулак. Её грудь была широкой, шерсть растрёпанной, а плечи костлявыми. Внезапно она опустила голову, будто бы готовясь напасть.

Я вскарабкался на насыпь. В то же время краем глаза я видел, как животное сорвалось с места. Не в мою сторону, но всё же. Оно как будто плыло через дорогу. Оно проплыло вверх по противоположной насыпи и исчезло в кустах, и осталась

только пустая загородная дорога с выжженными на ней суровыми следами шин.

Только когда начали петь птицы, я понял, что всё это время вокруг было тихо.

Сопровождаемый пением, из-за угла появился белый микроавтобус. Он затормозил и остановился. Сначала ничего не происходило, потом его двери распахнулись и из них выпрыгнули мужчины. Все с пивными животами, одетые в крикетную форму. Бородатые и усаые, все старше папы, все засуетились вокруг.

* * *

После того, как крикетчики не дали мне вернуться к нашей машине, после того, как приехала пожарная машина, после того, как меня увезли в не имевшей окон скорой, освещённой уродливым жёлтым светом, после того, как врач менял тему каждый раз, как я спрашивал про маму и папу, после того, как я долго прождал врача в отделении неотложной помощи, после того, как меня разложили на холодном столе, чтобы сделать рентген, после того, как доктор отказался отвечать на мои вопросы про маму и папу, после того, как я начал кричать на него и на других, после того, как я попытался уйти, после того, как мне вкололи тёмную жидкость, я провалился в сон. Это был странный сон. Даже не сон, а чернота.

Когда я проснулся, было темно. На кровати, где я лежал, тонкие простыни были заправлены так, что я еле мог двигаться. Я лежал на боку. Здесь стояли и другие кровати, белые силуэты, плавающие во тьме, и слышалось дыхание других спящих подростков и детей. В одном конце были окна без занавесок. Палата, похоже, находилась высоко, потому что в окнах виднелось небо. Только небо. Стояла ночь, очень далеко висела маленькая луна.

Я не мог в это поверить — я спал с середины дня. Как я мог, когда я был нужен моим родителям? Что бы доктор мне ни вколол, это оказалось что-то сильное, настолько сильное, что я не мог окончательно проснуться, и странная чернота не уходила. Я чувствовал её на краю сознания и знал, что в любой момент она может вернуться. Я должен был срочно найти маму и папу. Я должен был узнать, куда их дели доктора. Я попытался подняться, но простыни были слишком тугими, и когда я повернулся, чтобы ослабить их, то замер от неожиданности.

У другой стороны моей кровати стояла женщина.

Она стояла очень неподвижно и смотрела на меня. Серьёзная одежда и седые волосы делали её похожей на врача. Но она была такой неподвижной, что я задумался: не может ли она быть кем-то ещё? Лунатик, потерявшийся посетитель, сумасшедшая? Я решил, что она, должно быть,

врач. Я спросил её, где мама и папа. Прежде, чем она могла ответить, и прежде, чем я мог повторить вопрос, чернота вернулась.

* * *

Когда я окончательно проснулся, было утро и палата наполнилась шумом. Меня всё ещё мутило. Команда санитаров клацала стальными крышками на большой тележке из нержавеющей стали, от которой шёл пар. Примерно за десять секунд они раздали всей палате завтрак и укатили. Две медсестры переходили от кровати к кровати, толкая тележку с лекарствами. Они скармливали таблетки в маленьких бумажных стаканчиках недовольным детям. Уборщица протирала пол, напевая на языке, которого я не знал.

— Где мои мама и папа? — прохрипел я медсёстрам, которые стояли около соседней кровати. Когда они ушли, я окликнул их. — Где мама и папа?

Я пинком сбросил заправленные простыни и встал. На мгновение у меня в глазах покраснело, и мне пришлось переждать слепоту, а потом я бросился за сёстрами. Я был в больничной рубашке, разрезанной сзади. Я не помнил, чтобы её надевал. Это значило, что кто-то раздел меня, пока я спал.

— Пожалуйста, — сказала уборщица с восточноевропейским акцентом, преграждая мне дорогу. — Ты скользит на мой пол. Вернись свой кровать.

— Я должен узнать, что случилось с моими родителями. Что случилось с моими родителями?

— Я не знаю. Откуда мне знать? Вернись свой кровать.

Она загородила мне путь своей шваброй.

Я обошёл её. Я бросился к дверям палаты. Когда я был уже близко, они открылись, и ко мне поспешила вчерашняя серьёзная седоволосая женщина. Врач в белом халате за её спиной кричал: «Стойте!»

— Где мама и папа?

— Лукас, — сказала она слабым, уставшим голосом. — Лукас.

— Что случилось с мамой и папой? Где они?

— Пожалуйста, — подоспел тяжело дышащий врач, — Вам нельзя здесь находиться.

— Что случилось с моими родителями? Я хочу знать, что случилось с моими родителями! — я был в панике, мой голос становился напряжённее и громче. — Где мама и папа?

Женщина с седыми волосами коснулась моей руки, и меня потрянуло. В ней было что-то знакомое. Она была вчерашним доктором, но знакомым было не это: она напоминала мне маму.

Тихо, как будто ей трудно произносить слова, как будто они были грубыми предметами, которые она вынимала из своего нутра, сказала:

— Они мертвы.

У неё были серые глаза со множеством чёрных точек.

— Мне жаль, Лукас, — сказала она.

— Вам принести воды? — спросил врач.

Женщина отвела меня обратно в кровать. Моим ступням было холодно на свежепротёртом полу. Она села рядом со мной и положила свою загорелую руку мне на предплечье. На ней были часы с красным ремешком из потёртой кожи. Секундная стрелка двигалась по кругу, и было странно, что она продолжала двигаться. Как она могла, когда мама и папа остановились, просто остановились?

— Я оставлю тебя с твоей бабушкой, — сказал врач. — Если что-то понадобится — зайдите ко мне.

Мне потребовалось немного времени, чтобы переварить его слова.

Я повернулся к ней.

На ней были вязаная жилетка и рубашка с коротким рукавом. Один край воротника был заправлен под вырез жилетки, второй торчал наружу. Её короткие седые волосы были жёсткими. Её кожа была бледной, как у мамы. Её лицо было широким. Её маленький рот выглядел печальным. Она выглядела вымотанной.

— Ты помнишь меня? — спросила она.

Я говорил с ней по телефону каждое Рождество, но виделись мы лишь дважды.

Бабушка.

* * *

По коридору мы шли не рядом. Расстояние между нами увеличивалось, когда мы пропускали престарелых пациентов на колясках и идущих навстречу посетителей. Меня удивляло, что все они выглядели... не то, чтобы счастливыми, но какими-то бодрыми. Санитар катил на кровати-каталке старую женщину, настолько хрупкую и невесомую, что голова её, казалось, вообще не продавливала подушку. Старуха смотрела в потолок, к её ноздрям были приклеены трубки.

Автоматические двери раздвинулись, и мы вышли в тёплый сентябрьский день.

— Подожди тут. Я схожу за машиной.

До того момента будущего для меня словно не существовало. Мой мозг будто бы завис. Я не мог принять отсутствие мамы и папы. Факт не встраивался в мир. Мир не подходил факту. Мир стал бессмыслицей. Почему во двор въезжали скорые? Почему день был тёплым? Почему крутились гигантские вентиляторы на стене здания? Почему облака двигались по небу? Казалось невозможным, что они просто делают то же, что и всегда.

А я не мог думать ни о чём другом: мама и папа умерли.

Во двор въехала бабушка на маленькой красной машине и направилась ко мне. И я снова услышал треск, скрип металла и хруст пластика. В лобовом стекле отразилась стена госпиталя,

бабушка остановилась, и я вспомнил, как тот странный пёс стоял посреди дороги, как смотрел на меня своими янтарными глазами с чёрными зрачками, как он, должно быть, стоял там во время аварии, потому что когда я выполз из машины, он так и стоял посреди дороги.

Бабушка вышла. В дневном свете она выглядела больной, её бледная кожа была почти серой. Щурясь от солнца и прикрывая глаза рукой, она сказала:

— Поехали домой.

Я не ответил. Внезапно, стоя рядом с безжалостным капотом машины, я ощутил ужас.

— Я не могу, — сказал я, умоляюще глядя на бабушку.

Выражение бабушкиного лица не изменилось.

— У меня нет на это сил, Лукас, — сказала она устало и вернулась в машину.

Вентиляторы на стене госпиталя гудели. Пассажирская дверь открылась.

Я не двигался. Я не мог.

Скорая, мигающая синими огнями, встала за бабушкиной машиной. Ручка двери блестела. Водитель скорой погудел и помахал мне, поторапливая.

У меня в груди что-то сжалось, но я шагнул вперёд и потянул широкую дверь. Садясь в машину, я отчётливо видел руль, огоньки на приборной панели, резиновый коврик. Они меня пугали. Бабушка повернулась ко мне, пока я вытягивал

ремень безопасности. Её густые брови были похожи на мамины.

— Нормально? — спросила она уставшим голосом. Её дыхание пахло кофе и ещё чем-то кислым.

Я не ответил.

— Боже, ну и местечко, — сказала она, бросая взгляд на госпиталь.

Потом она повернула ключ, включила передачу и, вырывая, посмотрела через плечо назад. Бабушка давила на педали круглоносими мартенсами*, а я цеплялся за дверь. Мой желудок сжало.

* Ботинки марки *Dr.Martens* — высокие, шнурованные, на толстой рифленой подошве.